

Хельга Воджик

Liber
LOBscurV

Тёмная книга, Эрика и её
кошмарное приключение
в двузначность

N SUGAR
BOOKS

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

ГОРОД ВОРОНОВ

ДОЖДЬ

Она повсюду оставляла следы. И следы эти были столь же невероятны и просты, как она сама. Ведь это были книги. Нет, она не писала. Она обладала особым талантом проживать каждую историю, как свою. Будто единственную и неповторимую жизнь, дарованную ей богом и случаем. Особый талант. Вдирать буквы, втягивать их кончиками пальцев, соприкасаясь с бумагой. Впитывать взглядом всегда чуть влажных блестящих глаз. Вдыхать историю вместе с лёгким ветерком, рождённым в перелистывании страниц.

Она жила книгами, радовалась и страдала вместе с героями, а покончив с последней строкой, ещё несколько минут всматривалась в пустоту, обращая свой взор в лишь ей ведомые дали. Прощалась с прожитой жизнью и...

Она оставляла книгу.

Всякий раз именно там, где настиг её финал. Будь это пропахшее корицей кафе или чуть

облупившаяся белая скамья у моря, потёртое сидение в поезде или диван случайного знакомого, у которого её застала ночь. Она жила лишь книгой, пребывая в иной реальности, не замечала ничего вокруг. Но стоило истории закончиться, как она последний раз касалась корешка, проводила тонкими пальцами по обложке и навсегда выпускала из рук. Ведь она верила, что книга живёт лишь когда её читают, а значит, полки её дома — это погребение заживо. Мавзолеей живых трупов, призрачный плач сотен и тысяч голосов, жаждущих поведать о себе...

Нет, она не могла обречь их на такое. И потому в её доме не было книг. Хотя и дома у неё не было тоже. Её работа была подобно ей самой — перелёты, переезды, сменные квартиры, отели... Может быть, только книги и держали её в этом мире? Она покупала их везде, где её настигала пустота — тот миг безвременья, когда одна история завершена, а новая не начата.

Что могло сравниться с этим? Первое касание, первое знакомство. Лёгкий трепет предвкушения током пронизывал подушечки пальцев, и вспышка осознания накрывала волной. «Это она!». Книга выбирала её, приглашала в свой мир, и она не отказывала. Будь у неё дух-хранитель или кто-то, кто

наблюдал за ней, он мог бы поведать, что она готова принять любую историю. Её сердце было открыто чувствам, разум — новым идеям, детское озорство и любопытство жаждало приключений, и даже крохотная морщинка на лбу старательно впитывала теории и философские смыслы из трудов, что были тяжелы и неподъёмны, как обтёсанные морем валуны.

Хотя...

Будет нечестным утаить одну маленькую деталь. Все-таки одна книга у неё была. Та, с которой она никогда не расставалась. Это был удивительный сборник её собственной жизни, скроенный из мгновений чужих. Из каждой прочитанной истории она вырывала фрагмент, нет, не страницу, а всего лишь её малую часть. И каждый раз это был кусочек из того дня в настоящем, когда она завершила чтение. За шаг до пустоты. За слово до одиночества. Седьмого июля в полдень она находила страницу семьдесят семь и отсчитывала двенадцатую строку, а первого февраля за утренним кофе украдкой, как преступница, вырезала крошечными позолоченными «цапелками» (они тоже всегда были при ней, как нож Джека Потрошителя или ножницы Карлика Волоса) восьмое слово на двенадцатой странице.

Она сплетала связь миров каким-то своим особым причудливым образом и находила её отражение в прочитанном. Каждый раз она металась между своим пороком, одержимостью и стыдом за испорченный томик, оправдывая себя лишь тем, что без этого маленького ритуала и безобидной привычки её собственная история будет неполной. В самом деле! Разве одно исчезнувшее слово способно навредить? Утратит ли мир себя, рухнет ли, исчезни из него несколько букв? Да многие и не заметят, как не замечают нюансов и оттенков, тонких смыслов и скрытых игол иронии. Кто в наше время чувствует переливы вкуса истории, а не всего лишь жадно глотает калории сюжета?

Так она оправдывала себя, а после помещала трофей в аккуратный кожаный блокнот. Это были билеты в прошлые жизни, её личный гримуар чудес. *Liber Obscura* – книга тайн, тёмных, непостижимых, теряющихся в пространстве и времени.

Иногда, особенно вязкими вечерами в холодном отеле, она топила огни чужого города за окном в бокале терпкого вина, открывала свою летопись и совершала путешествие по осколкам памяти. Кусочки страниц калейдоскопом рассыпались на развороте, переливались мозаикой слегка различных оттенков и фактур и возвращали привкус прожитых

жизней. Дневник проживаний. Она начала вести его, когда ей исполнилось семь. Отец, тогда он был ещё жив, подарил, вопреки традициям и общественному замыслу, не атласные ленты и даже не куклу, подобающую всякой маленькой девочке. Он вручил ей альбом с плотными, но тонкими листами дорогой бумаги цвета сливочных конфет, в обложке из мягкой кожи такой рыже-красной, словно сам закат впитался в неё.

Много позже она не раз задумывалась, чего он хотел? Чтобы дочь стала художницей, писательницей, поэтессой? К чему маленьким девочкам такие полновесные дары? Великолепие и солидность подарка пугала, а чистые листы были столь идеальны, что вселяли ужас. Священный трепет и страх, что любой штрих осквернит первоизданную красоту. Но вместе с тем нарастал огромный соблазн уничтожить эту самую превосходность. И она в этом преуспела. В какой-то момент перешагнула порог священного трепета. Обратись она к психоаналитику, тот бы сказал, что попутно она убивала своё представление о надеждах отца, упивалась никому не видимым бунтом. Она же считала, что именно тогда выбрала свой путь, не отводя глаз, смело шагнула в Бездну, в которую многие могли лишь всматриваться в вечной жажде ответа.

В тот день она дочитала книгу и, вспомнив довольно распространённую по всему миру и среди всех юных девочек и девушек игру, отыскала строчку по дню своего рождения. В той строчке не было ничего примечательного и, хотя сама книга была широко известной и полна крылатых цитат, ей попалась вереница обиденных слов. Буквы цеплялись друг за друга и тянулись к читателю, как ветки в лесу, лишённые всякой примечательности, не скрашенные ни причудливой формой, ни потешным зверьком, ни трелью сидящих на них птиц. Самые обычные слова. И тогда она поняла — ведь они есть клей истории! Будь книга сплошь изукрашена остротами и «мудротами», витиеватостями и переливами, как бы это было утомительно! А слова-клей, которых было столь же много, как и обычных людей в любой из эпох, своей простотой оттеняли и превозносили своих редких и особенных собратьев. И тогда она с любовью (и огромным стыдом) вырезала этот крошечный фрагмент страницы, повернула, прочла обрывки текста с другой стороны, мысленно попросила у книги прощения и намазала клеем.

Так первый кусочек лёг в альбом, а она поняла, что всё простое не менее значимо, чем сложное, и что мир не может состоять лишь из героев, громких фраз и чудес. Ведь тогда уникальность

и редкость исчезнет, а вместе с тем и всякая необычность. Если в году будет триста шестьдесят пять праздничных дней, и все они Рождество, то просто не останется времени на восхитительное ожидание и предвкушение! Тогда единственными отличными от прочих дней станут лишние високосные двадцать четыре часа, и ждать их придётся четыре года!

Ей было семь, и вряд ли она мыслила такими сложными и абстрактными категориями, но годы спрессовали чувства и фантазии, отшлифовали тот первый камушек решений до алмаза, и ей нравилось любоваться его блеском, а значит и собственной предопределённостью и избранностью. Как ни крути, но каждое слово-клей желает стать частью бессмертной цитаты, так и с людьми: даже самые заурядные из нас иногда мечтают вынуть из камня меч.

Она любила неприятную простоту и с головой окунулась в потоки слов, что дарили ей новые миры и жизни, новые знакомства и новых друзей. И пусть они никогда с ней не заговаривали, зато она их всегда внимательно слушала и в минуты горя и радости незримо была рядом.

Иногда она представляла, что и у неё есть такой же невидимый друг, увлечённый историей её жизни. И то, что для неё растягивалось на долгие

часы, месяцы и годы, для него могло пролетать так же быстро, как шуршали страницы под её пальцами. Эти фантазии были столь сладки, что увлекали её без остатка. Но после. После она вздыхала, ощущая лишь соль и горечь. Она лишь клей, маленькая и незаметная в безбрежной глади серого осеннего моря и годная лишь на то, чтобы однажды вобрать частичку рассвета светила, проводить слепым взором его закат, или, среди прочих, остаться незамеченной в его тени. Камешек на галечном пляже...

Но раз проклюнувшаяся мысль зрела, набухла, пускала корни. Лимб реальности, в котором она пребывала в промежутке между завершением одной книги и началом следующей, неизменно возвращал её к этой фантазии.

Шли годы. Кожаная обложка альбома потёрлась, а слова заполнили страницы несколькими слоями. Как и воспоминания – новые перекрывали старые, и даже самые яркие бледнели под тяжестью лет.

Однажды её собственная история, подчинённая линейному бегу времени, перевалила за середину. Дни теперь летели как недели, а сезоны сменялись слишком быстро. В очередной раз она блуждала по кругу личного лимба, заглядывая в темноту бесконечной пустоты, ожидая, когда из неё явится слово, а следом и свет. В тот миг, охваченная мраком печали

и тоски, она подумала, что хотела бы сама стать книгой и поселиться в сердце хотя бы одного читателя. И тогда, впервые за полвека, вместо того чтобы взяться за чужую новую историю, она вышла на улицу и пошла не к книжному магазину, а совсем в другую сторону.

Мелкий дождь и вечерний сумрак растворили неон в лужах. Воздух, вода и огни причудливо перемешались и растеклись. Мир был податлив и мягок, таинственен и притягателен, как размытый акварельный пейзаж. Зонты разноцветными грибами ползли по улицам, толпились у светофоров и исчезали в подземных переходах, у подъездов и в утробах автобусов.

Она шла по расплавленному свету и масляно-чёрному асфальту, одной рукой сжимая ручку зонта, а второй прижимая к груди *liber obscura*, свой опус магнум, скроенный из чужих слов. Ноги разбивали лужи этого мира, но мысли голодными чайками продолжали витать в нулевом круге личного ада. Сомнения и сожаления. Она думала о цене и ценности, о реальности и вымысле, о возможности обычного слова засиять, а сердцу, впитавшему мириады миров, стать интересным кому-то другому. Тому, для кого она станет миром.

Налетел порыв ветра и вывернул зонт, она

попыталась ухватить его, удержать, но оступись...

Последним, что она услышала, стал пронзительный скрежет, разорвавший улицу.

«Столько шума из-за клея!» — подумала она.

Неистово гудели машины, кричали люди и лишь дождь всё так же скучающе барабанил по зонтам и лужам.

Протёртая обложка из золотисто-рассветной стала закатно-алой, а после и вовсе налилась глубоким винным багрянцем, в котором не было блеска огней и пьянящей тайны. Страницы промокли от дождя и крови. Её жизнь впиталась в слова чужих книг, заполнила пробелы, пульсируя, проникла через волокна до самого корешка.

— Увы, ничего нельзя было поделать, — пожал плечами парамедик, и привычно хлопнул по плечу новенького. После смены они сидели в баре «Азурный Ворон», потягивая тёмный густой эль.

— Кем она была? — спросил второй; это была его первая смена на этой подстанции, и первая смерть на его руках.

— Говорят, при ней не было документов, лишь книга.

— Может, писательница?

— Даже если и так, вряд ли известная.

— А где сейчас книга? — спросил младший.

Старший парамедик вновь пожал плечами и поко-
сился на нетронутый бокал младшего.

Они не могли знать, что иногда чудеса случаются
даже с самыми обычными и заурядными. Возможно,
и не так, как того бы хотелось, ведь у сверхсил
свой особый взгляд на происходящее, а особенно
на волшебство. И зачастую любви, времени и же-
лания недостаточно. А вот с кровью и жертвой всё
получается гораздо лучше.

Ещё до того, как тело немолодой, но окончатель-
но покинутой духом женщины закрыли в холодном
стальном ящике, книга, вобравшая множество ми-
ров, обрела свободу. История, склеенная из укра-
денных слов и оживлённая кровью, в последнем по-
рыве вытолкнутой безграничным сердцем, начала
свой путь, чтобы однажды навсегда изменить одну
незначительную жизнь, сделав её значимой.

ГЛАВА 1

В КОТОРОЙ ЭРИКА
ДОСТИГАЕТ ДВУЗНАЧНОСТИ

---

*Но даже желанный торт не в силах
заменить громкие слова и подсластить тихое
разочарование*

Шёл дождь. Что не было редкостью для времени и широт, к которым прикован наш взор. И хотя дождь — явление обыденное, в некоторые дни он крайне раздражает. Иди он своей дорогой, не было бы вопросов. Но отчего-то он всегда норовил прилипнуть к особенному дню! И смыть всю его особенность в сточную канаву!

В такой день приходилось сидеть дома. Даже если дом полон удивительных миров и приключений, порою хочется чего-то совершенно банального — такого, как прогулка под ласковым солнцем или же незатейливая игра в классики. Даже если тебе уже десять. Особенно, когда тебе уже десять.

Именно столько сегодня исполнялось Эрике. Вступление в двузначность, с которой рукой подать до «взрослой» жизни с окончанием на «дцать»...